

УДК 902/904 (470.4/.5)
ББК 63.48(235.55)

Дата поступления статьи: 17.08.2022
Дата принятия статьи: 31.10.2022

ДИНАМИКА МИГРАЦИЙ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ

Владимир Александрович Иванов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются миграционные процессы, происходившие на территории Урало-Поволжского региона в I тыс. н.э., в их археологическом проявлении. Используя метод историко-географической характеристики археологических культур региона в рассматриваемый период, автор определяет типы миграций (согласно типологии, разработанной в отечественной и зарубежной археологии), их масштабы и результаты в формировании этнической карты Урало-Поволжья. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в конце эпохи раннего железа и в первые века I тыс. н.э. в регионе имели место вторжения воинских дружин поздних сарматов, вследствие чего происходят территориальные подвижки местных пьяноборских, гляденовских и карабызских племен. В эпоху Великого переселения народов позднесарматская инвазия приобретает характер миграции-вторжения. В результате этого в регионе формируются три этнокультурных ареала: именьковско-турбаслинский (позднесарматский), финно-пермский (азелинская и мазунинская/бахмутинская культуры) в Южном Предуралье, неволинская культура в её ранней (бродовской) стадии в Среднем Прикамье и ломоватовская (харинская стадия) – в Верхнем Прикамье. Во второй половине I тыс. н.э. Урало-Поволжский регион становится этнокультурным ареалом (ЭКА) древних угров, представленных памятниками кушнаренковской, каракуповской, неволинской, ломоватовской и чепецкой культур, которые морфологически (и генетически) были связаны с бакальской культурой Среднего Зауралья. На этом основании в современной археологии региона господствует концепция об иммиграции – ползучем вторжении зауральско-западносибирских угров в Предуралье и их продвижении далее в Среднее Поволжье (земля Хетумогер/Дентумогер древних мадьяр). В самом конце I тыс. н.э. угорский период в истории населения региона завершается, что выражается в резком сокращении ареала угорских памятников (петрогромско-мясимовского типа) в Предуралье. Представляется наиболее вероятным, что произошло это вследствие тюркской (огузо-печенежской) миграции-вторжения в степи Урало-Поволжья на рубеже IX–X вв.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, сарматы, угры, мадьяры, болгары, огузы, печенеги

Цитирование. Иванов В.А., 2022. Динамика миграций в Урало-Поволжье в эпоху средневековья и их результаты // Уфимский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 299–309. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.010>

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

UDC 902/904 (470.4/.5)
LBC 63.48(235.55)

Submitted: 17.08.2022
Accepted: 31.10.2022

DYNAMICS AND OUTCOMES OF MIGRATIONS IN THE URAL-VOLGA REGION DURING THE MIDDLE AGES

Vladimir A. Ivanov

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Ufa, Russia
E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru

Abstract. The article discusses the migration processes on the territory of the Ural-Volga region in the 1st millennium AD from the archaeological point of view. The author describes historical and geographical characteristics of the region's archaeological cultures in the studied period. He also identifies types of migrations (according to the typology, created by Russian and foreign archaeologists), their scale and effects on the formation of the ethnic map of the Ural-Volga region. The obtained results show that at the end of the Early Iron Age and in the early centuries of the 1st millennium AD the region suffered from intrusions of the late Sarmatian military squads, which resulted in territorial shifts of the local Pyany Bor, Glyadenovo and Kara-Abyz tribes. The late Sarmatian intrusions acquire the nature of a migration- invasion during the Great Migration period. As a result, three ethno cultural areas are formed in the region: Imenkovo-Turbasly (Late Sarmatian) and Finno-Permian (Azelin and Mazunino / Bahmutino cultures) in the Southern Cis-Urals as well as Nevolino culture in its early (Brodovskaya) stage in the Middle Kama region and Lomovatovo culture (Kharinskaya stage) in the Upper Kama region. In the second half of the 1st millennium AD the Ural-Volga region becomes an ethno-cultural area (ECA) of the ancient Ugrians. It is represented by the sites of the Kushnarenkovo, Karayakupovo, Nevolino, Lomovatovo and Chepetskaya cultures. They were morphologically (and genetically) related to the

Bakal culture of the Middle Trans-Urals. Hence, modern archeologists of the region believe that it was a case of immigration – a creeping intrusion of the Trans-Ural-West Siberian Ugrians to the Cis-Urals. Further they advanced into the Middle Volga region (the land of Hetumoger / Dentumoger of the ancient Magyars). The Ugric period in the history of the region's population ended in the final years of the 1st millennium AD. This led to a sharp reduction of the area where Ugric sites are found (of the Petrogrom-Mryasimov type) in the Cis-Urals. It seems that this happened as a result of the Turkic (Oghuz-Pecheneg)migration-invasion into the steppes of the Ural-Volga region at the turn of the 9th–10th centuries AD.

Keywords: migration, immigration, Sarmatians, Ugrians, Magyars, Bulgarians, Oghuz, Pechenegs

Citation. Ivanov V.A., 2022. Dynamics and outcomes of migrations in the Ural-Volga region during the Middle Ages. *Ufimskij arkheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. Vol. 22, no. 2, pp. 299–309. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.010>

Acknowledgements. The research was conducted by means of the grant No.22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/> allocated by the Russian Science Foundation

Решающая роль миграций в этнических процессах и формировании этнокультурной карты Урало-Поволжья в эпоху средневековья является аксиомой, не нуждающейся в специальных доказательствах, поскольку наглядно представлена в археологически фиксируемых следах и географических последствиях [Белавин, 2009; Зубов, Михеев, 2006; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998; Иванов, 2020; Сунгатов, 2020]. Другое дело, что мы слабо представляем себе типы этих миграций (а их несколько [Клейн, 1999]), от которых зависят и их археологические следы, и археологически фиксируемые этнокультурные результаты. Это – во-первых.

Во-вторых, чтобы хотя бы приблизиться к адекватному пониманию и оценке миграционных процессов, необходимо учитывать географию археологических памятников, отражающих эти процессы. В настоящее время этнокультурная ситуация в регионах (в частности – в Урало-Поволжье) иллюстрируется мелкомасштабными карто-схемами, на которых различными геометрическими фигурами очерчены приблизительные ареалы распространения археологических культур. О весьма поверхностном информационном потенциале подобных иллюстраций я уже имел возможность высказаться [Иванов, 2015; 2016].

В продолжение этой темы ниже я предлагаю рассмотреть археологические следы миграций (и их результатов) в Урало-Поволжье в эпоху раннего средневековья (I – начало II тыс. н.э.) в их географическом и семантическом контекстах. И хотя карты, иллюстрирующие эти процессы, отнюдь не идеальны, они, тем не менее, дают возможность более четко представить и масштабы и ареалы распространения археологических памятников, документирующих миграционные процессы в указанный период, и обусловленную ими динамику этнокультурной карты региона.

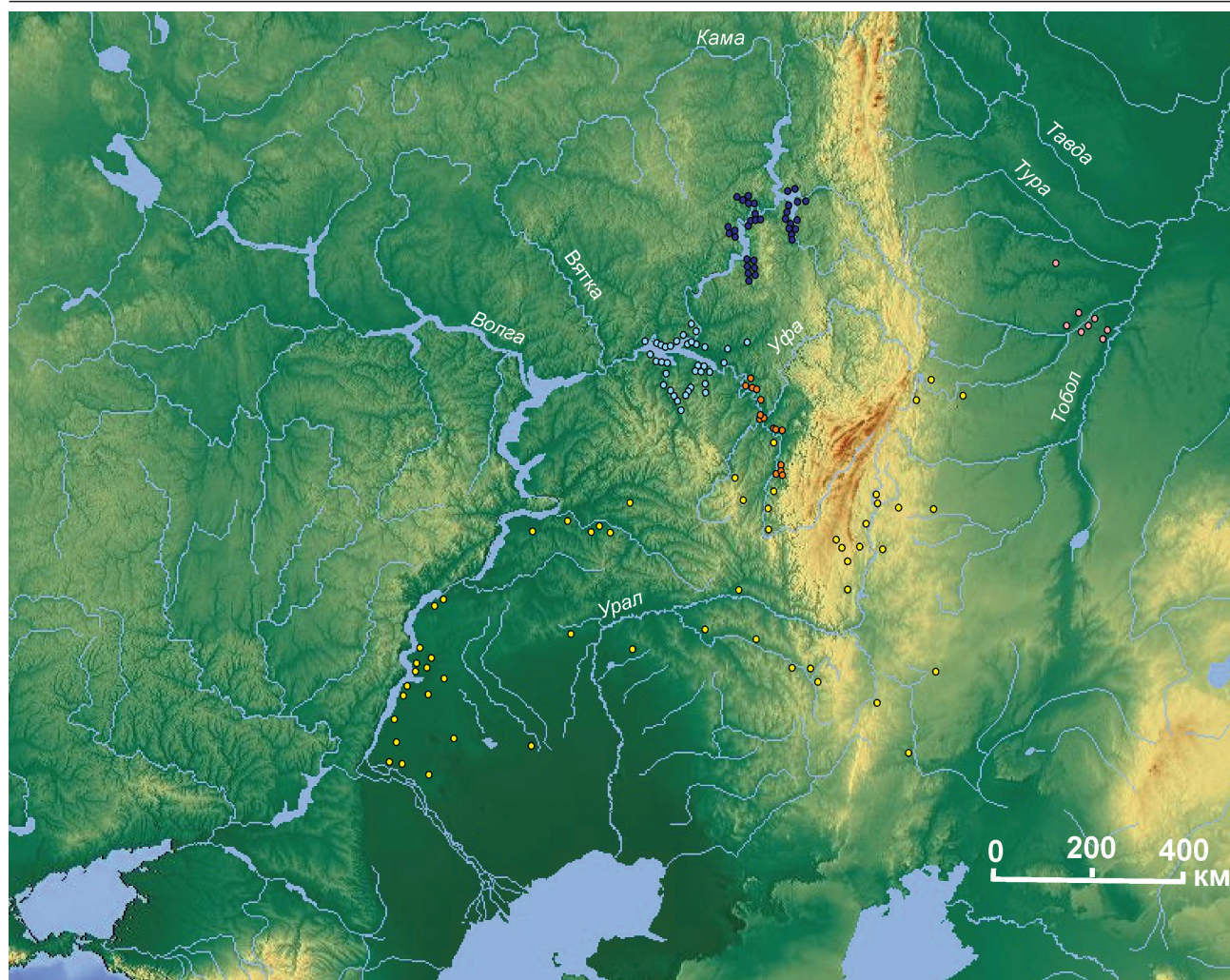
На рубеже I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (финал эпохи раннего железа) этнокультурный состав населения региона определялся автономным существованием здесь трех этнокультурных образований (племена?; союзы племен?) – пьяноборского, караабызского и гляденовского (рис. 1). Единой этнокультурной общности они не представляли, хотя общий генетический субстрат, уходящий своими корнями в ананьинскую эпоху, в их этногенезе прослеживается [Иванов, Проценко, 2017].

О взаимодействии «пьяноборцев», «караабызцев» и «гляденовцев» с окружающим миром в рассматриваемый период говорить очень сложно. Обращение к археологической карте региона показывает, что в это время по всем румбам, кроме южного, вокруг ареалов рассматриваемых культур на сотни километров простирались пустые пространства.¹ На юге наиболее близкими соседями племенам Прикамья и Предуралья являлись поздние сарматы (рис. 1), которые, в силу своей малочисленности,² не могли оказывать сколь-нибудь существенного влияния на этно- и культурогенез «пьяноборцев», «гляденовцев» и «караабызцев». Хотя, конечно, полностью исключить его нельзя. Во-первых, известны отдельные находки импортных римских изделий в пьяноборских погребениях [Васюткин, Калинин, 1986. С. 121]. Во-вторых, известны следы культурного воздействия «пьяноборцев» на культуру мигрантов, оставивших в Поволжье Андреевские и Писеральские курганы (*воинская миграция*). Сферы этногенеза это воздействие не затрагивало, но о каких-то культурных контактах свидетельствует очевидно [Зубов, 2011. С. 107–109].

В-третьих, пока ещё не до конца понятное явление представляют собой курганы Кипчаковского могильника. Оставившее их пришлое население (возможно, что иранско-угорской этнической принадлежности [Зубов, Михеев, 2006. С. 222]),

¹ Для сравнения см. карты Волго-Вятского междуречья или Среднего Зауралья [Никитин, Соловьев, 2013. С. 49. Рис. 31; Берсенева, 2016. С. 33].

² Их не могло быть много, поскольку в это время степи Урало-Поволжья находились в стадии усыхания [Дёмкин и др., 2009. С. 85].

- - курганы поздних сарматов ● - памятники пьяноборской культуры ● - памятники карабужской культуры
 ● - памятники гляденовской культуры ● - памятники саргатской культуры

Рис. 1. Карта-схема основных культур Предуралья на рубеже эр
 Fig. 1. Chart map of key cultures in Cis-Urals at the turn of the eras

очевидно, участвовало в формировании пьяноборской культуры на поздней стадии её развития [Зубов и др., 2021. С. 282].

Появление в III в. н.э. в Предуралье пришлых групп населения³ (воинская миграция), оставивших курганные могильники типа Тураевского, Старо-Муштинского, Харинского, Агафоновского, Верх-Саинского и др., завершило тот период в истории региона, когда роль миграций в этнокультурных процессах была минимальной⁴ (рис. 2). Далее, уже в эпоху Великого переселения народов, очертания и содержание этнокультурной карты Прикамья и Предуралья меняется едва ли не через каждое столетие.

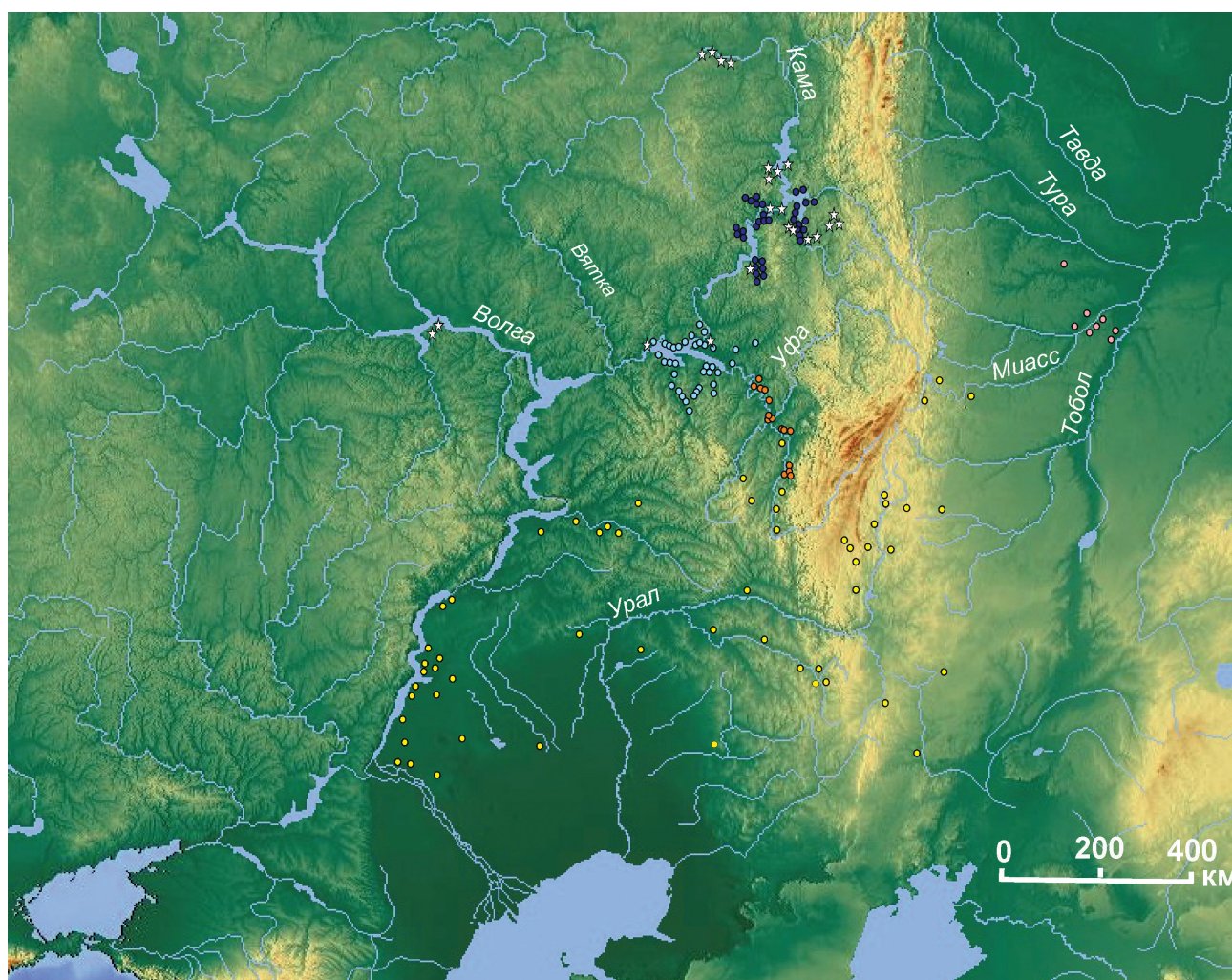
Я не берусь рассуждать о механизме этнокультурных процессов, происходивших в регионе в IV–VI вв. н.э. Любые рассуждения на сей счет не более чем дискурс, опирающийся на довольно зыбкую эмпирическую основу. Гораздо более

конструктивной является констатация результатов этих процессов, представленных в археологических материалах (рис. 3).

В рассматриваемое время довольно плотно заселяется территория Среднего Поволжья от устья Камы на севере до Самарской Луки на юге (памятники именьковской культуры). Их появление в регионе было внезапным, а их культура – гомогенной. Аналогичным образом появляется и выглядит турбаслинская культура в среднем течении р. Белая. Керамика и вещевой комплекс этих культур обнаруживают между собой определенное морфологическое сходство. На этом основании Е.П. Казаков объединяет их в единую *турбаслинско-именьковскую общность*, занимавшую часть Урало-Поволжской лесостепи от Приуралья до Мордовии (рис. 3). Генетически эту общность исследователь связывает с сарматами [Казаков, 2018. С. 116].

³ Вопрос об этнической принадлежности и исходной территории которых остается открытым, хотя многие из современных исследователей придерживаются точки зрения об их позднесарматской принадлежности.

⁴ Из культур эпохи раннего железа Прикамья и Предуралья только в генезисе карабужской культуры участие мигрантов прослеживается отчетливо.

- - курганы поздних сарматов ● - памятники карабужской культуры ● - пьяноборской культуры ● - гляденовской культуры
 ● - саргатской культуры ★ - курганы тураевского и харинского типов

Рис. 2. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья в первые века н.э.

Fig. 2. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region in the early centuries AD

То, что поздние сарматы в IV–V вв. участвовали в этнокультурных процессах в Прикамье и Предуралье, очевидно, следует признать за факт. К такому выводу, независимо от Е.П. Казакова, на основании результатов сравнительно-статистического анализа могильников эпохи Великого переселения народов в Прикамье и Предуралье приходит Д.В. Шмуратко. Проведя кластерный анализ погребального обряда могильников эпохи ВПН,⁵ исследователь разделяет их на семь групп (кластеров), объединенных внутренней типологической общностью и обнаруживающих различную степень близости между собой. По полученным данным, позднесарматский⁶ и харинский (Среднее и Верхнее Прикамье) кластеры демонстрируют явное доминирование позднесарматской погребальной традиции со всеми вытекающими отсюда интерпретационными последствиями. Причем, по

мнению Д.В. Шмуратко, образование харинского кластера явилось следствием глубокого проникновения в Прикамье неких социальных групп поздних сарматов (воинских дружин – *авт.*) [Шмуратко, 2006. С. 126].

Азелинский кластер, расположенный на территории Волго-Вятского междуречья, оставлен потомками носителей пьяноборской культуры, отнесенными туда пришельцами, оставившими Тураевский и Старо-Муштинский могильники. Близость азелинского кластера с постпьяноборским⁷ вполне закономерна, поскольку они имеют общую генетическую основу (пьяноборскую).

Совершенно автономным выступает именьковский кластер. Д.В. Шмуратко никак этот факт не комментирует. Со своей стороны могу предположить, что, вероятно, обусловлено это тем, что носители именьковской культуры если и имели

⁵ 34 могильника, содержащих в общей сложности 1815 погребений.

⁶ В принципе, его можно было бы назвать и турбаслинским, поскольку Ново-Турбаслинский могильник является центральным звеном этого кластера.

⁷ Центральными звеньями которого являются Бирский, Старо-Кабановский, Красноярский могильники мазунинской/бахмутинской культуры.

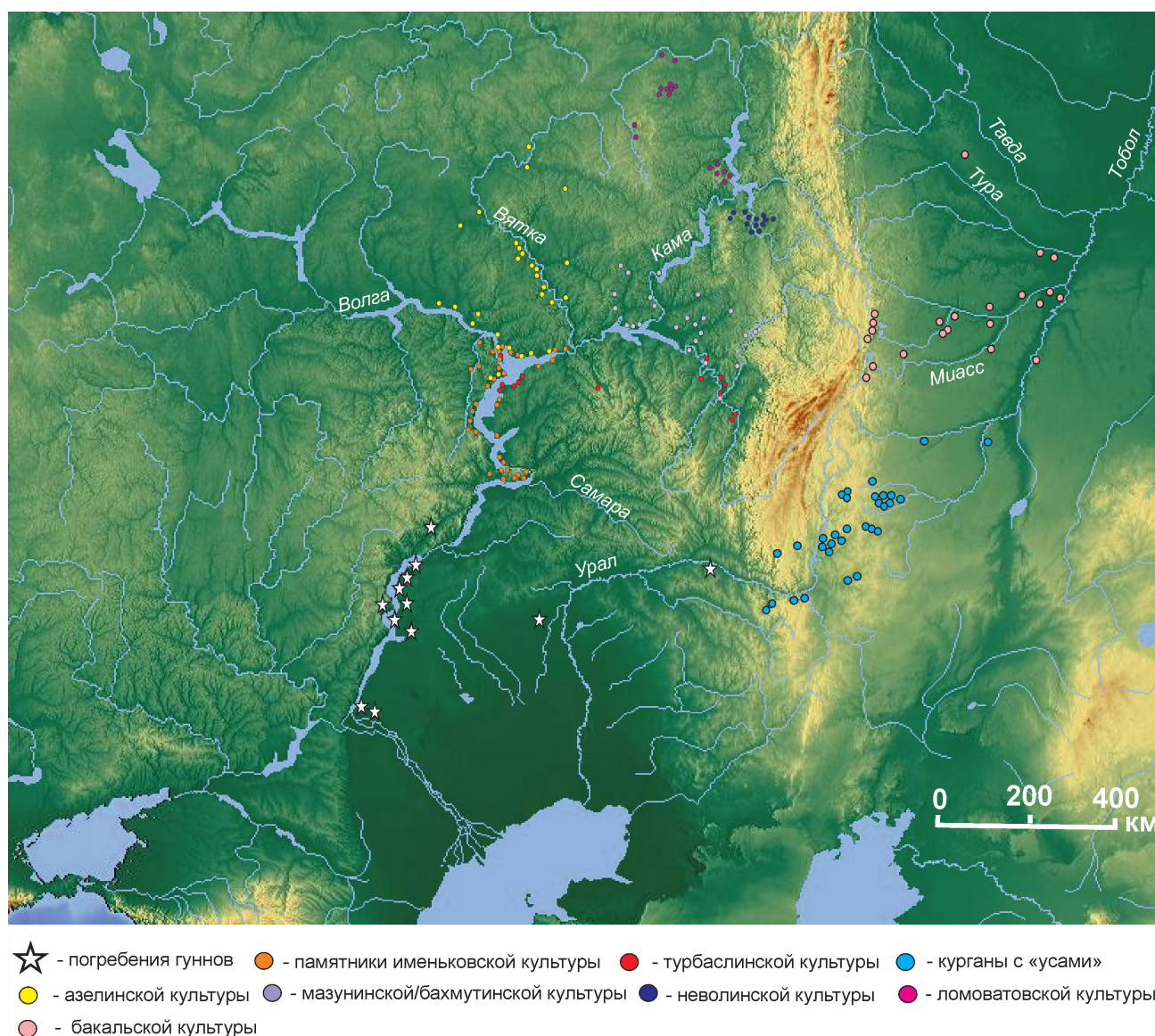

Рис. 3. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья в эпоху Великого переселения народов
 Fig. 3. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region during Great Migration period

генетическую связь с поздними сарматами, то в конечном итоге эта связь была «размыта» каким-то иным этническим субстратом.

Таким образом, в середине I тыс. н.э. в Прикамье и Предуралье формируются три этнокультурных ареала, различающиеся между собой по своему этническому содержанию. На северной границе лесостепной зоны Урало-Поволжья это носители турбаслинской и именковской культур, по-видимому, генетически действительно связанные с поздними сарматами. Это была компактная, автономная и гомогенная этническая общность [Казаков, 2021. С. 38] (рис. 3). Тесных контактов с финно-пермскими соседями они не имели⁸ и с этнической карты региона сошли, не оставив заметных следов ни в этно-, ни в культурогенезе оставшегося здесь населения.

В зоне смешанных лесов Урало-Поволжья расселяются финно-пермские племена азелинской и мазунинской/бахмутинской культур – потомки «пьяноборцев». Причем, если «мазунинцы/бахмутинцы», оставаясь, по сути, на территории своих предков-«пьяноборцев» расселялись довольно плотно и равномерно, без внутренних субрегионов [Бахшиев, Колонских, 2016], то в расселении носителей азелинской культуры такие субрегионы – вятский и волжский – прослеживаются (рис. 3). Впоследствии их население будет участвовать в этногенезе удмуртов и мари соответственно.

Третий этнокультурный ареал составляют памятники харинского типа в лесных районах Среднего и Верхнего Прикамья (рис. 3). Для него тоже характерна автономность и гомогенность. Вероятно, это было обусловлено тем обстоятельством,

⁸ Указание Е.П. Казакова на тесные контакты «именково-турбаслинцев» с азелинскими и неволинскими племенами базируется на находках кольцевидных с утолщениями подвесок и фаллических фигурок [Казаков, 2021. С. 37]. Эти вещи в V–VI вв. появились в Урало-Поволжье с Кавказа и какого-либо преимущественного распространения в археологических памятниках региона этого времени не имели.

что пришлое население «харинских курганов» в культурном плане оказалось доминирующим над местным позднегяденовским населением. Это наглядно проявляется в эволюции погребальной обрядности: на смену погребальным памятникам «гяденовцев», характеризующимся «небольшими грунтовыми могильниками, на которых покойников хоронили практически без вещей по обряду трупоположения. Основанием для датировки таких могильников гяденовским временем служат случайно забытые в погребениях предметы и поминальные жертвенники с гяденовской посудой, находившиеся в центре могильников» [Очерки..., 2002. С. 123], приходят курганные могильники с обрядом кремации и в последующем, уже на агафоновской стадии ломоватовской культуры, обряд этот сохраняется [Голдина, 1985. С. 127].⁹

Традиционно появление в Прикамье памятников харинского типа объясняется угорской (носители саргатской культуры) миграцией из Западной Сибири и Зауралья. Что, в общем-то, не подтверждается напрямую соответствующими эмпирическими данными. Например, потому, что следов пребывания «саргатцев» вблизи Камы, Сылвы или Белой пока не выявлено.¹⁰ Поэтому, чтобы логически объяснить взаимосвязь между саргатским и позднесарматским кластерами, а через позднесарматский – со всеми остальными,¹¹ Д.В. Шмуратко развивает точку зрения В.А. Могильникова о «турбаслинцах» как о ретрансляторах саргатской погребальной традиции в Прикамье [Шмуратко, 2012. С. 24–29]. Однако, этот тезис не согласуется с замкнутым характером турбаслинско-именьковской общности, для носителей которой финно-пермский мир был этнически чуждым, а обитатели Верхнего Прикамья просто недостижимыми (рис. 3).

Сарматский период в этнической истории Прикамья и Предуралья завершается на рубеже VI–VII вв., когда в регион устремляются сразу две миграционных волны – ранние болгары с юга и древние угры-мадьяры с востока. По своему характеру это была выраженная *иммиграция* – *вторжение*, по своему содержанию представляющая переселение фракции народа на соседнюю или дальнюю территорию, по своему археологическому выражению – местонахождения пришлої культуры равномерно покрывают всю территорию [Клейн, 1999. С. 67]. Что мы и наблюдаем в Прикамье и Предуралье в VII–IX вв. н.э. (рис. 4).

Генетическая связь древних венгров Арпадского периода на Дунае и носителей караякупов-

ской, неволинской и ломоватовской культур Прикамья и Предуралья сейчас воспринимается почти как аксиома. В свою очередь, генезис перечисленных культур возводится к бакальской культуре (культурной общности) Зауралья и Западной Сибири. Что, однако, пока так и не находит надежно-го подтверждения в археологическом материале.

В этой связи наиболее конструктивной и требующей дальнейшей разработки является гипотеза, выдвинутая Н.П. Матвеевой и её коллегами-соавторами, о формировании этнического ядра древних мадьяр-венгров в недрах уральских культур второй половины I тыс. н.э. – бакальской, караякуповской, неволинской, ломоватовской [Матвеева, Дёни, Зеленков, 2021. С. 158, 159]. И это совершенно логично, поскольку все перечисленные культуры не только синхронны, но и географически образуют один этнокультурный ареал (ЭКА), границы которого простирались от Тобола до Верхней Камы и Самарской Луки (рис. 4). То есть, караякуповские памятники в окрестностях Самарской Луки – 116-й км., Немчанка, Ромашинское, Лебяжинское и другие погребения, Пролетарское городище – являются не какой-то «сепаратной группой» мигрантов с запада из Поднепровья¹² [Комар, 2018. С. 167], а юго-западной периферией угорских/мадьярских кочевий до их ухода из Урало-Поволжья [Сташенков, 2020. С. 114].

Равным образом искусственным является отождествление угорских памятников с территории Самарского Поволжья с мадьярской областью Леведия [Лифанов, 2018]. Прежде всего, этому противоречит география указанных памятников (рис. 4) и сам исходный для данного дискурса нарратив (Константин Багрянородный), внимательное прочтение которого фактически не дает никаких координат для локализации названной области.¹³

С юга, в степях Южного Зауралья, ближайшими соседями угров являлись кочевники, оставившие курганы селенташского типа, генетически восходящие к своим предшественникам, оставившим на этой территории «курганы с усами» и появившимся здесь (иммиграция-вторжение) ещё в эпоху ВПН (рис. 3; 4). Их этнокультурная принадлежность определялась исследователями неоднозначно (западные тюрки – по С.Г. Боталову; гунно-сарматы – по И.Э. Любчанскому) [Боталов, Таиров, Любчанский, 2006. С. 147–161]. Но к какой бы этнической группе ни принадлежали эти мигранты, их участие в этнических процессах на Южном Урале не прослеживается¹⁴.

⁹ Уместно вспомнить, что в это время во всем регионе, кроме харинских, обряд кремации зафиксирован в могильниках именинковой культуры. Т.е. в двух культурных агломерациях, удаленных географически, но связанных генетически.

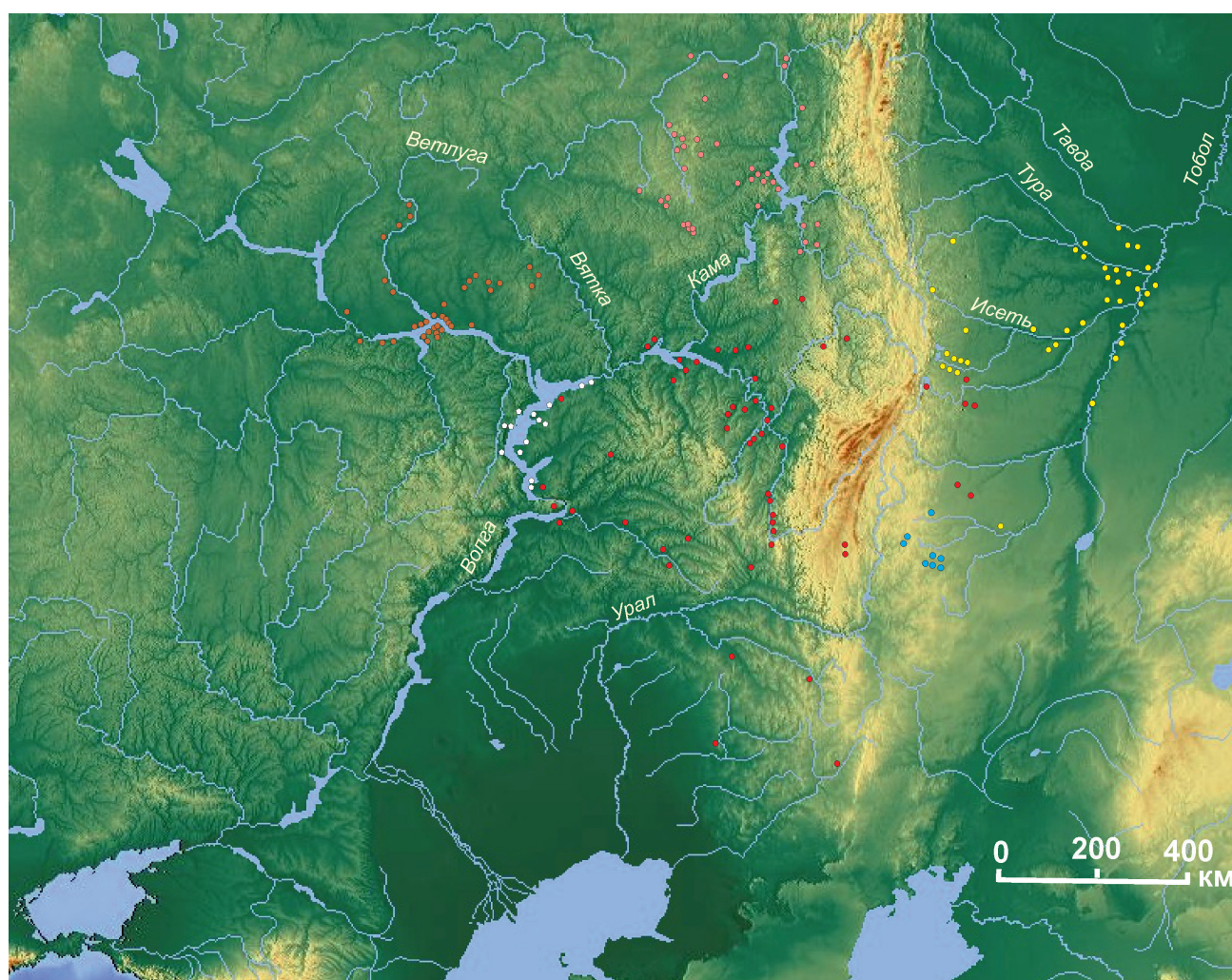
¹⁰ Эталонными звеньями саргатского кластера Д.В. Шмуратко определяет Тютринский и Калачевский могильники, расположенные в 500 км к востоку от Камы и Сылвы.

¹¹ То есть, показать участие «саргатцев»-угров в этнических процессах в регионе.

¹² Памятники субботцевского типа по А.В. Комару.

¹³ Локализация Леведии – давняя проблема «мадьяроведения», анализ которой требует особого исследования.

¹⁴ По аналогии с племенами именинково-турбаслинской общности эпохи ВПН.

- - памятники кушнаренковской и караякуповской культур (угры-мадьяры) ○ - могильники ранних болгар
- - памятники древних мари ● - памятники ломоватовской и неволинской культур (угры) ● - бакальская культура (угры)
- - курганы селенташского типа, исследованные раскопками

Рис. 4. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья во второй половине I тыс. н.э. (угорско-мадьярский период)

Fig. 4. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region in the second half of the 1st millennium AD (Ugric-Magyar Period)

В контексте наших современных знаний, очерченный выше ЭКА и являлся «землей Дентумогер/Хетумогер» («земля семи мадьярских племен»), откуда мадьяры-венгры и начали свою грандиозную миграцию в поисках «новой Родины».

Эта миграция завершила угорскую (точнее – угро-мадьярскую) эпоху в этнической истории Прикамья и Предуралья. По классификации, предложенной Л.С.Клейном, это была *эмиграция*, т.е. полное (или почти полное) переселение народа, археологическим проявлением которого является исчезновение памятников данной культуры в ее ареале и появление их в другом [Клейн, 1999. С. 67. Рис. 9].

На рубеже IX–X вв. этническая карта региона вновь существенно меняется. Степи Урало-Поволжья тюркизируются пришедшими сюда на рубеже IX–X вв. огузами и печенегами.¹⁵ В Среднем По-

волжье между устьем Камы и Самарской Лукой в это время формируется государство Волжская Болгария, полиэтническое (тюрко-угорское) по своему этническому составу.

Угорско-мадьярский ЭКА перестает существовать и на его территории (будущая Magna Hungaria) обитают разрозненные и, очевидно, весьма немногочисленные (но угорские же) группы, представленные в регионе отдельными и широко разбросанными географически памятниками петрогромского (предчияликского) типа (рис. 5).

Угорский анклав в Верхнем Прикамье заметно сокращается вследствие вытеснения «ломоватовцев» финскими (древние коми) мигрантами. Часть «ломоватовцев» мигрирует в Волжскую Болгарию, часть – на восток, за Урал [Очерки..., 2002. С. 162].

¹⁵ По мнению Е.П. Казакова именно печенеги вытеснили угров-мадьяр из Урало-Поволжья [Казаков, 2018].

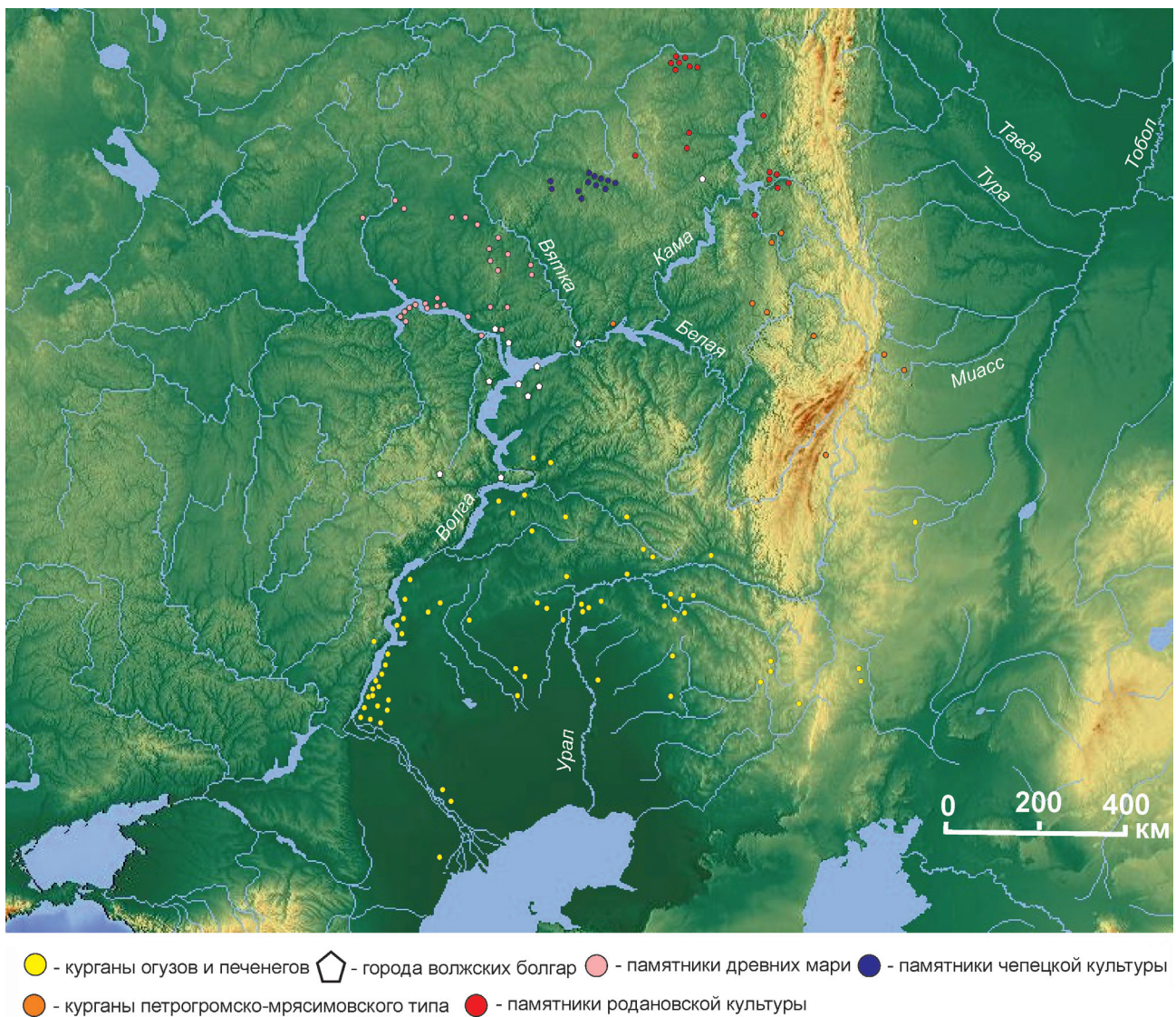

Рис. 5. Этнокультурная карта-схема Урало-Поволжья на рубеже I–II тыс. н.э.
 Fig. 5. Ethnocultural chart map of Ural-Volga region at the turn of 1st and 2nd millennium AD

Выводы

1. Зафиксированные по археологическим данным миграции в Урало-Поволжье в эпоху раннего железного века, Великого переселения народов и раннего средневековья не тождественны между собой ни по содержанию, ни по масштабам, ни по результатам. В первом случае мы имеем дело с военным набегом (или набегам), сопровождавшимся подчинением местных жителей и последующей абсорбацией пришельцев в местной этнической среде (Кипчаковские курганы в пьяноборской культуре, Шиповские в карабызской).

Во втором – продолжение военных набегов и переселение фракции народа в соседнюю местность (если считать, что таковой для поздних сарматов (именьково-турбаслинцев) являлась урало-поволжская лесостепь).

В третьем – «ползучая» экспансия или иммиграция зауральско-западносибирских угров в Предуралье [Клейн, 1999. С. 67. Рис. 9].

Как мы видим, типы миграций и их результаты эпохи раннего железа и средневековья различались по своему характеру и результатам. Это дает нам основание присоединиться к точке зрения Н.П. Матвеевой и её соавторов о том, что этнокультурные процессы раннего железного века и средневековья не были тождественны и уводить процессы этногенеза вглубь времен неконструктивно [Матвеева и др., 2021. С. 158].

2. В течение всего рассматриваемого времени вне этнокультурных процессов оказывалась территория Бугульминско-Белебеевской возвышенности (рис. 1–5). Это вполне естественно, поскольку по своим физико-географическим и климатическим условиям эта территория непригодна ни для скотоводческого, ни для земледельческого хозяйствования [Иванов, Злыгостев, Антонов, 2013. С. 247]. Что и следует учитывать при составлении «геометризованных» карто-схем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: СамГУ, 1998. 286 с.
- Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 59–82.
- Белафин А.М. Миграции и колонизация в древней истории Предуралья // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 50–59.
- Берсенева Н.А. Некоторые проблемы и перспективы изучения саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2016. С. 31–44. (Этногенез уральских народов)
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» Урало-Казахстанских степей. Челябинск: ЮУФ ИИА УрО РАН, 2006. 232 с.
- Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
- Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Хомотова Т.Э., Золотарёва Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Дёмкина Е.В., Журавлёв А.Н. Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I–IV вв. н.э. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2009. 93 с.
- Зубов С.Э. Военские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 136 с.
- Зубов С.Э., Михеев А.В. Этнокультурные процессы в Западном Поволжье на рубеже раннего железного века и раннего средневековья (проблемы хронологии и этнической атрибуции памятников писеральско-андреевского типа) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 204–225.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Таиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник // Археология евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300. DOI: <http://doi.org/10.24411/2587-6112-2021-10023>
- Иванов В.А. Финно-пермяки и угры эпохи раннего средневековья в Урало-Поволжье: историческая география и этнокультурные связи в контексте данных археологии // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 283–286.
- Иванов В.А. Этногеография Урало-Поволжья в эпоху раннего средневековья по данным археологии, палеогеографии и палеоклиматологии // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 225–228.
- Иванов В.А. Миграции как механизм культурогенеза у населения Урала и Предуралья в эпоху Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. Материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: ГИМЮУ, 2020. С. 58–65.
- Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху средневековья (V–XVI века н.э.). Уфа: БГПУ, 2013. 280 с.
- Иванов В.А., Проценко А.С. Погребальный обряд как индикатор генетической преемственности культур эпохи раннего железного века Прикамья и Предуралья // Археология евразийских степей. 2017. № 1. С. 117–129.
- Казаков Е.П. К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 116–119.
- Казаков Е.П. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник. Казань: АН РТ, 2021. 148 с.
- Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. 1999. № 1. С. 52–71.
- Комар А.В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Pásmány Péter Katolikus Bölcsészeti és Társadalomtudományi Kar Regesztudományi Intézet; Martin Opitz Kiadó; Magyar Tudományok Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Ostortörténeti Temacsport, 2018. 424 с.
- Лифанов Н.А. К вопросу локализации «местности Леvedия» (памяти А.В. Расторопова) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара: СГСПУ, 2018. С. 300–302.
- Матвеева Н.П., Дьёни Г., Зеленков А.С. Проблемы изучения происхождения мадьяр (по урало-сибирским материалам раннего средневековья) // Российская археология. 2021. № 2. С. 147–166. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086960630015374-0>
- Никитин В.В., Соловьев Б.С. История заселения Марийского края // Марийцы. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 40–50.
- Очерки археологии Пермского Предуралья: Учебное пособие для студентов и аспирантов / Под ред. А.М. Белафина. Пермь: ПГПУ, 2002. 253 с.
- Сташенков Д.А. Древние венгры и их окружение в Самарском Поволжье. Каталог археологических коллекций. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. 120 с.

Сунгатов Ф.А. Южный Урал в период Великого переселения народов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. Материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск: ГИМУУ, 2020. С. 66–83.

Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Вели-

кого переселения народов (статистический анализ погребальных комплексов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2012. 33 с.

Шмуратко Д.В. Прикамье в эпоху Великого переселения народов, этнокультурные влияния...? // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 1 / Гл. ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГПУ, 2006. С. 120–127.

REFERENCES

- Bagautdinov, R.S., Bogachev, A.V., Zubov, S.E. 1998, *Prabolgary on the Middle Volga (at Origins of History of Volga-Kamya Tatars)*. SamGU, Samara, 286 p. (In Russ.)
- Bakhshiev, I.I., Kolonskikh, A.G. 2016, "Spatial Analysis Methods Used to Characterize Bakhmutino Settlement Patterns Between the Ufa and Belaya Rivers", *The Volga River Region Archaeology*, no. 3 (17), pp. 59–82. (In Russ.)
- Belavin, A.M. 2009, "Migrations and Colonization in Ancient History of Urals", *Ural Historical Journal*, no. 2 (23), pp. 50–59. (In Russ.)
- Berseneva, N.A. 2016, "Some problems and perspectives in research of a Sargatskoe culture in The Trans-Urals and Western Siberia", *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza). Etnogenez ural'skih narodov* ("Archeology of the Southern Urals. Forest, forest-steppe (problems of cultural genesis). «Ethnogenesis of Ural peoples» Series"), TSIKR "Rifey", Chelyabinsk, pp. 31–44. (In Russ.)
- Vasyutkin, S.M., Kalinin, V.K. 1986, "Novo-Sasykulsky Burial Ground", *Arheologicheskie Raboty v Nizoviyah Beloj* ("Archaeological Works in Lower Reaches of River Belaya"), BFAN USSR, Ufa, pp. 95–122. (In Russ.)
- Goldina, R.D. 1985, *Lomovatovskaya Culture in Upper Kama Region*. Izd-vo Irkut. Un-ta, Irkutsk, 280 p. (In Russ.)
- Demkin, V.A., Demkina, T.S., Alekseev, A.O., Khomutova, T.E., Zolotareva, B.N., Kashirskaya, N.N., Udaltsov, S.N., Alekseeva, T.V., Borisov, A.V., Demkina, E.V., Zhuravlev, A.N. 2009, *Paleosoils and Climate of Steppes of the Lower Volga Region in 1–4th Centuries AD.*: ONTI PNC RAN, Pushchino, 93 p. (In Russ.)
- Zubov, S.E. 2011, *Military migrations in the Middle Volga region during the Roman period (the I–III centuries BC)*. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Saarbrücken, Germany, 208 p. (In Russ.)
- Zubov, S.E., Mikheev, A.V. 2006, "Ethnocultural Processes in Western Volga Region at the turn of the Early Iron Age and the Early Middle Ages (Issues of Chronology and Ethnic Attribution of Monuments of Writer-Andreevsky type)", *Yuhnyj Ural i sopredelnye territorii v Skifo-Sarmatskoe vremya. Sbornik statey k 70-letiyu A.H. Pshenichnyuka* ("South Urals and Adjacent Territories in Scythian-Sarmatian Times. Collection of Papers Devoted to 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk"), Gilem, Ufa, pp. 204–225. (In Russ.)
- Zubov, S.E., Sattarov, R.R., Tagirov, F.M. 2021, "Kipchakovo I barrow and subsoil burial ground", *Archeology of the Eurasian steppes*, no. 2, pp. 261–300. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.2.261.300>.
- Ivanov, V.A. 2015, "Finno-Permians and Ugric Peoples of the Early Middle Ages in Ural-Volga Region: Historical Geography and Ethnocultural Relations in Context of Archaeological Data", *Etnicheskie Vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: Materialy VI Vserossiyskoy Nauchnoy Konferentsii* ("Ethnic Interactions in Southern Urals: Materials of VI All-Russian Research Conference"), CHGAKI, Chelyabinsk, pp. 283–286. (In Russ.)
- Ivanov, V.A. 2016, "Ethnogeography of Ural-Volga Region in Early Middle Ages according to Archeology, Paleogeography and Paleoclimatology", *Arheologicheskoe Nasledie Urala: ot Pervykh Otkrytiy k Fundamentalnomu Nauchnomu Znaniyu (XX Ural'skoe Arheologicheskoe Soveshchanie): Materialy Vserossiyskoy (s Mezhdunarodnym Uchastiem) Nauchnoy Konferentsii* ("Archaeological Heritage of Urals: from First Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (XX Ural Archaeological Meeting): Materials of All-Russian (with International Participants) Research Conferences"), Institute of Computer Research, Izhevsk, pp. 225–228. (In Russ.)
- Ivanov, V.A. 2020, "Migrations as Mechanism of cultural genesis among the population of the Urals and the Urals in the era of the Great Migration of peoples", *Etnicheskie Vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoe Pereselenie Narodov: Dialog Kultur. Materialy VIII Mezhdunarodnoy Nauchnoy Konferentsii* ("Ethnic Interactions in Southern Urals. The Great Migration of Peoples: Dialogue of Cultures. Materials of VIII International Research Conference"), GIMYuU, Chelyabinsk, pp. 58–65. (In Russ.)
- Ivanov, V.A., Zlygostev, V.A., Antonov, I.V. 2013, *Southern Urals in Middle Ages (5–16 Centuries AD)*. BSPU, Ufa, 280 p. (In Russ.)
- Ivanov, V.A., Prochenko, A.S. 2017, "Funerary rituals as an indicator of genetic continuity of the Early Iron Age cultures of the Kama region and Cis-Urals", *Archeology of the Eurasian Steppes*, no. 1, pp. 117–129. (In Russ.)
- Kazakov, E.P. 2018, "The Issue of Characterization of Medieval Cultures in the Ural-Volga Region", *Archeology of the Eurasian Steppes*, no. 6, pp. 116–119. (In Russ.)
- Kazakov, E.P. 2021, *Volga-Kamye in Era of Turkic Khaganates. First Book. Kominternovskiy II Burial Ground*. AN RT, Kazan, 148 p. (In Russ.)

Klein, L.S. 1999, "Migration: Archaeological hallmarks", *Stratum plus*, no. 1, pp. 52–71. (In Russ.)

Komar, A.V. 2018, *History and archeology of the Ancient Hungarians in the era of migration*. Pasmany Peter Katolikus Bolcseszeti es Tarsadalomtudomanyi Kar Regeszettudomanyi Intezet; Martin Opitz Kiado; Magyar Tudomanyos Akademia Bolcseszettudomanyi Kutatokozpont Magyar Ostorteneti Temacsopot, Budapest, 424 p. (In Russ.)

Lifanov, N.A. 2018, "On Issue of Localization of Levedia Locality" (in memory of A.V. Rastoropov), *XXI Uralskoe Arheologicheskoe Soveshchanie, Posvyashch. 85-Letiye so Dnya Rozhdeniya G.I. Matveeva i 70-Letiye so Dnya Rozhdeniya I.B. Vasileva. Materialy Vserossiyskoy Nauchnoy Konferentsii s Mezhdunarodnym Uchastiem* ("XXI Ural Archaeological Meeting Dedicated to 85th Anniversary of G.I. Matveeva and 70th Anniversary of I.B. Vasiliev. Materials of All-Russian Research Conference with International Participants"), SGPU, Samara, pp. 300–302. (In Russ.)

Matveeva, N.P., Dyeni, G., Zelenkov, A.S. 2021, "The issues of studying Magyars genesis (based on the Ural-Siberian materials of the Early Middle Ages)", *Russian Archeology*, no. 2, pp. 147–166. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.31857/S086960630015374-0>.

Nikitin, V.V., Soloviev, B.S. 2013, "History of Settlement of Mari Region", *Mariytsy. Istoriko-Etnograficheskie Oчерki* ("Mari. Historical and Ethnographic Essays"), Marniyali, Yoshkar-Ola, pp. 40–50. (In Russ.)

Essays on Archaeology of Permian Urals: Guide for Students and Postgraduates. PGPU, Perm, 2002, 253 p. (In Russ.)

Stashenkov, D.A. 2020, *Ancient Hungarians and Their Environment in Samara Volga Region. Catalogue of Archaeological Collections*. SOIKM, Samara, 120 p. (In Russ.)

Sungatov, F.A. 2020, "Southern Urals in the Great Migration period", *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Velikoe pereselenie narodov: dialog kul'tur. Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* ("Ethnic interactions in the Southern Urals. The Great Migration: dialogue between cultures. Materials for the 8th International Scientific Conference"), GIMYuU, Chelyabinsk, pp. 66–83. (In Russ.)

Shmuratko, D.V. 2012, "Burial mounds of the Kharinsky type in the Upper Kama region in the context of cultural and historical processes of the epoch of the Great Migration of Peoples (statistical analysis of burial complexes)", *Dissertation abstract ... Candidate of Historical Sciences*, Kazan, 33 p. (In Russ.)

Shmuratko, D.V. 2006, "Prikamye in the era of the Great Migration of peoples, ethnocultural influences...?", *Vestnik muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya* ("Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals"), iss. 1, PGPU, Perm, pp. 120–127. (In Russ.)

Сведения об авторе

Владимир Александрович Иванов, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-7243-2588

Information About the Author

Vladimir A. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russian Federation, Ufa. E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-7243-2588